

¹ Об истории вопроса см. Колодкин, А.Л., Шатуновский С.В. Первая Гаагская конференция мира 1899 года. // "Международная жизнь", 1997, № 9

² Документ Генеральной Ассамблеи ООН A/RES/53/99

"... 1. *приветствует* представленную правительствами Нидерландов и Российской Федерации программу действий (См. док-т ГА ООН A/C.6/52/3 — *прим. автора*), посвященную столетию первой Международной конференции мира, цель которой заключается в содействии дальнейшему развитию тем первой и второй Международных конференций мира и которую можно считать третьей международной конференцией мира;..."

³ Ханс Бликс (Норвегия). Развитие международного права в области разоружения и контроля за вооружениями со времен Первой Гаагской конференции мира 1899 года.

Кристофер Гринвуд (Великобритания). Международное гуманитарное право и законы войны.

Франсиско Орrego Вукунья (Чили), Кристофер Пинто (Шри -Ланка). Мирное разрешение споров: перспективы на XXI век.

(С текстами докладов можно ознакомиться на странице ИНТЕРНЕТ [www.minbuza.nl/english/conferences/c"peacel.html](http://www.minbuza.nl/english/conferences/c) — *прим. автора*)

⁴ См.: Док-т ГА ООН A/RES/53/100 (о.п.4)

⁵ К примеру, предоставляя органам ООН и спецучреждениям возможность запрашивать консультативные заключения по правовым вопросам, относящимся к их компетенции (статья 65 Статута Международного суда)

г. Гаага, 18 — 19 мая 1999 года

Статья поступила в редакцию в сентябре 1999 г.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ФОРУМ

В.С. И в а н е н к о *

Второй этап Третьей конференции мира — Международная научно-дипломатическая конференция "Столетие инициативы России: от Первой конференции мира 1899 года — к Третьей — 1999 года" — состоялся 22-25 июня 1999 года в Санкт-Петербурге, как и было определено резолюциями Генеральной Ассамблеи ООН №53/10, №53/99 и распоряжением Президента РФ от 6 августа 1997г. Выбор города на Неве для проведения столь исторически важной и значимой конференции не случаен. Принимая решение об этом, Генеральная Ассамблея от имени мирового сообщества отдала тем самым дань благодарности и признательности России и Санкт-Петербургу как городу

* Заведующий кафедрой международного права Санкт-Петербургского государственного университета, профессор, кандидат юридических наук. Подробнее об авторе см. № 2 нашего журнала за 1998 г.

(бывшему столице Российской империи), из которого более 100 лет назад, в августе 1898 года, прозвучал призыв к государствам мира провести международную конференцию “в целях изыскания наилучших способов к упрочению всеобщего мира и возможного сокращения, тяготеющих над всеми народами чрезмерных вооружений”, вошедшую впоследствии в историю как Первая Гагская конференция мира 1899 г.

Не случаен и день начала Санкт-Петербургской конференции — 22 июня. Этот день — день памяти и скорби — особо значим для нашего народа, подвергнувшегося 54 года назад фашистскому нашествию, в ходе которого были грубо попраны как нормы общечеловеческой морали, так и нормы провозглашённых Первой и Второй Гагскими конференциями мира законов и обычаев войны.

Это особый день и для ленинградцев-петербуржцев. Поэтому прибывший на открытие Санкт-Петербургской конференции Генеральный Секретарь ООН Кофи Аннан начал своё пребывание в городе на Неве с возложения венка к мемориальному комплексу защитникам Ленинграда, отдав тем самым дань памяти мужеству и стойкости защитников и жителей города, выдержавших 900-дневную блокаду.

В работе конференции приняли участие Генеральный Секретарь ООН Кофи Аннан, Генеральный Секретарь Постоянной Палаты Третейского Суда Т. Ван ден Хаут, Вице-председатель Международной Федерации обществ Красного Креста и Красного Полумесяца Л.Г. Потравнова, Президент международной коалиции неправительственных организаций “Гагский призыв к миру” К. Вайсс, Председатель Гагской экспертной конференции Х. ван Мирло, представители международных межправительственных и неправительственных организаций, руководящие работники и юридические советники министерств иностранных дел, послы, политические и общественные деятели, представители национальных движений за мир, известные учёные в области международных отношений и международного права.

Россию на конференции представляли заместитель министра иностранных дел С.А. Орджоникидзе, начальник правового департамента МИД Л.А. Скотников, заместитель начальника данного департамента К.Г. Геворгян, другие сотрудники МИД, а также ученые-международники Санкт-Петербурга, Москвы, Казани, Красноярска и других городов.

Нельзя не отметить, что Санкт-Петербург встретил участников Конференции необычайно теплой и солнечной погодой, и, что особенно бывает редко в северной столице России, эта погода сопровождала участников в течение всей недели их пребывания в городе на Неве.

Жаркие “по южному” дни, не по северному теплые “белые ночи”, радушие и гостеприимство горожан, прекрасные условия для работы и отдыха, созданные организаторами Конференции (пленарные и секционные заседания проходили в прекрасном и исторически значимом здании — в Смольном, участникам Конференции были предложены: для отдыха — лучшие гостиницы города, для “души” — обширная культурная программа), создавали, формировали чувство умиротворения и покоя, располагали к спокойной, конструктивной и плодотворной, но “дипломатичной” дискуссии.

И на этом “идиллическом” фоне внешней умиротворенности резким контрастом проявлялись, явно или завуалировано, чувства тревоги, негодования, смутнения, вызванные Косовским кризисом и особенно военной акцией НАТО против Югославии. Локальный кризис на Балканах привел к кризису всей системы не только европейской, но и мировой безопасности, создал реальную угрозу сложившемуся во второй половине XX века на основе Устава ООН международному правопорядку. Лишь за два дня до начала Конференции в Санкт-Петербурге НАТО объявила о прекращении военных действий против Югославии. Поэтому тревога и обеспокоенность за будущее мира чувствовались в самой атмосфере Конференции мира, проявлялись в выступлениях многих ораторов. Хотя, объективности ради, надо сказать, что в ряде выступлений содержались утверждения об оправданности и даже правомерности односторонних силовых акций отдельных государств или групп государств для разрешения международных кризисов или предотвращения так называемых “гуманитарных катастроф”.

Председательствовал на Санкт-Петербургской конференции председатель Национального комитета Российской Федерации по Десятилетию международного права ООН, председатель Российской Ассоциации международного права профессор А.Л. Колодкин.

Открывая конференцию, А.Л. Колодкин огласил приветствие Президента России Б.Н. Ельцина. В приветствии, в частности, особо подчеркивается, что и сегодня, на рубеже столетий, человечество по-прежнему сталкивается с рецидивами прошлого, попытками решать сложные проблемы не за столом переговоров, а силой оружия. Поэтому главное сейчас — обеспечить уважение норм международного права, Устава ООН, эффективно задействовать потенциал Совета Безопасности ООН.

В своей вступительной речи А.Л. Колодкин отметил, что конференция в Санкт-Петербурге является продолжением состоявшейся 18-20 мая Гаагской экспертной конференции. Он напомнил участникам форума три основные цели Третьей конференции мира:

- определить основные направления развития международного права в XXI веке;
- сфокусировать внимание на важности и необходимости соблюдения международного права и повышения его роли в современном мире;
- подчеркнуть детальному международно-правовому анализу итоги, состояние и перспективы разоружения, международного гуманитарного права и мирного урегулирования споров.

Как отметил А.Л. Колодкин, в соответствии с “распределением ролей” между Гаагской и Санкт-Петербургской конференциями участникам Санкт-Петербургского форума предстоит сосредоточиться на имплементационных аспектах упомянутых трёх тем.

Выступивший на открытии конференции Генеральный Секретарь ООН Кофи Аннан особо отметил историческую роль России в постановке и разрешении 100 лет тому назад многих крупных международных проблем, имевших важное значение в прошлом и не утративших своей актуальности в настоящем. Особенно это касается проблем разоружения. Кофи Аннан привлек внимание участников Конференции к тому,

что еще "в 1899 году Россия предложила правительствам 26 государств встретиться в Гааге для обсуждения вопроса о сокращении военных бюджетов. На данный момент всего в мире на военные нужды расходуется 750 миллиардов долларов ежегодно. При этом в процессе всеобщей торговли оружием изымаются средства, предназначенные для основных нужд — таких как здравоохранение и образование.

Россия также предложила государствам запретить армиям и флотам использование любых видов огнестрельного оружия и взрывчатых веществ. На сегодняшний день изобретательность человека направлена в большей степени на разработку новых видов оружия, и недостаточно — на предотвращение заболеваний, охрану окружающей среды или искоренение нищеты.

Суть современных приёмов ведения войн — в основном внутренних конфликтов, при которых страдает именно мирное население, — внушает мысль о том, что война все так же жестока и хаотична, как и раньше. И применение насилия выявляет внушающую беспокойство закономерность: вместо мирных средств разрешения конфликтов правят законы войны, и оказывается, что воюющие стороны не способны осознать своих действий до тех пор, пока они не увидят груды человеческих останков".

Хотя, считает Кофи Аннан, Первая Конференция мира и не достигла некоторых поставленных перед ней целей, однако, "без сомнения это была важная веха в изменении законов войны, в зарождении современного гуманитарного права и в попытке утвердить как единственно возможные мирные средства разрешения споров.

В более широком смысле, можно полагать, Конференция стала одним из мест зарождения многосторонней дипломатии. Организация Объединённых Наций, включая и Международный Суд, являются наследием Конференции. Давайте же рассмотрим некоторые успехи и достижения, сделанные Конференцией.

- Конференция отвергла войну как основное, всеобщее и законное осуществление государственного принуждения. Вместо этого международное сообщество приняло решение о введении, по крайней мере, критерия гуманности в международные военные конфликты;

- Конференция заново подтвердила принципиальное различие между непосредственными участниками боевых действий (комбатантами) и гражданским населением, а также разработала нормы, гарантирующие максимально возможную защиту больных, раненых и гражданского населения, не принимающего активного участия в военных действиях;

- Конференция приняла Конвенцию о мирном урегулировании международных споров, утвердила создание Постоянной Палаты Третейского Суда. Хотя с тех пор государства не часто прибегали к помощи Суда, в настоящее время он модернизируется с таким расчётом, чтобы государства смогли извлечь большую пользу из того, что могло бы быть одним из наиболее тщательно хранимых дипломатических секретов.

Конвенция также определила множество методов для разрешения конфликтов мирным путём, а именно: посредничество, добрые услуги, обследование и примирение. Все эти методы были позднее включены в статью 33 Устава ООН. ООН стремилась к дальнейшему продвижению дела, начатого Конвенцией. В настоящий момент по каждому основному

направлению работы Гаагской Конференции — законы войны, ограничение вооружений и мирное урегулирование конфликтов — у международного сообщества имеются реальные возможности достичь необходимого прогресса”.

Отметив значительный прогресс, достигнутый мировым сообществом в области ограничения средств и методов ведения войны, разоружения и мирного разрешения споров, Кофи Аннан в то же время указал на имеющиеся место неудачи и различного рода препятствия на пути обеспечения мира и правопорядка. В этой связи он особо подчеркнул уникальную роль в обеспечении мира Организации Объединенных Наций, являющейся, по его выражению, наследием Первой Гаагской конференции мира: *“Неподвластная идеологическим распрям, вооружённая современными технологиями, открытая прогрессивным общественным течениям и воодушевляемая процессами всесторонних реформ, ООН остаётся уникальным учреждением. Она является источником международной законности, ареной многостороннего принятия решений, инструментом коллективной безопасности и превентивной дипломатии. Но от государств-членов ООН необходимо большее — больше ресурсов и больше политической воли — для того, чтобы ООН успешно могла продолжить свою работу”*.

В заключение Кофи Аннан заявил: *“Мир должен помнить текст преамбулы Гаагской Конвенции, составленной русским юристом Фёдором Мартенсом, который так волнующе говорил о “праве народов”, о “законах гуманности” и о “велении общественного сознания”*.

Общественное сознание испытывает ужас перед перспективой того, что этот век насилия мог бы закончиться так же, как и начался, что человечество так и не стало мудрее на пути предотвращения конфликтов и не научилось находить способы их разрешения. Безусловно, конфликты не утихают, и подход к их разрешению принял направление, которое, как мы думали, мы видели в последний раз.

Однако я все еще надеюсь на то, что международное сообщество, которое живет на взаимодействии индивидов, на функционировании учреждений и организаций и на законах, сделает выводы из трагедий и регресса уходящего столетия”.

Позиция России по актуальным проблемам сохранения мира и обеспечения международного правопорядка была очень подробно изложена в выступлении заместителя министра иностранных дел С.А.Орджоникидзе.

Обращает на себя внимание то, что выступление заместителя министра перед участниками конференции носило не “политизированный”, а “юридизированный” характер. Оно содержало прежде всего международно-правовой анализ состояния и перспектив разрешения проблем, вынесенных в повестку дня Конференции, а также других тесно связанных с ними вопросов. Значительное место в его выступлении было отведено проблеме обеспечения действия принципа неприменения силы в международных отношениях, анализу его соотношения с принципом невмешательства во внутренние дела государств и принципом уважения прав человека. И в этой связи С.А.Орджоникидзе определил действия НАТО против Югославии как агрессию. Это была “одна из

самых трагических страниц в европейской истории второй половины нашего столетия. Жертвой силовой акции стала не только разрушаемая Югославия. Удар пришёлся и на сами устои международного правопорядка. Подрыв этих устоев обосновывается неким "несовершенством" современного международного права, действительно не позволяющего применять силу в обход Устава ООН.

...Однако действующее международное право никто не отменял. Полагают ли сторонники силовой акции, заведомо идущей в разлад с Уставом, что международное право — факультативно, что каждый волен выбирать из него, что нравится и отбрасывать то, что кажется неподходящим в данный момент. Если "да", то не вернейший ли это путь к анархии?

Если же рассматривать упомянутые выше претензии к действующему международному праву по существу, то суть их сводится примерно к следующему: принцип уважения прав человека теперь должен получить приоритет над принципами невмешательства во внутренние дела, суверенного равенства государств и неприменения силы в международных отношениях.

Все дело, однако, в том, что иерархии принципов международного права нет и не может быть. Все эти принципы взаимосвязаны, взаимоподкрепляют друг друга и должны рассматриваться один в контексте другого. Словом, речь идет о целостной системе. Её целостное применение призвано исключить как гуманитарные катастрофы, этнические чистки, так и аспекты агрессии. Раздёргивание же этой системы на части способно привести лишь к её разрушению, чревато хаосом в международных отношениях.

Принцип невмешательства во внутренние дела государств как часть целостной системы эволюционирует в сторону большей открытости и кооперативности. Разумеется, права человека перестали быть исключительно внутренним делом государств.

Ясно и то, что в случае гуманитарной катастрофы международное сообщество может принимать принудительные, в том числе и силовые меры, но лишь в соответствии с Уставом ООН и по решению Совета Безопасности. Так что возможность жестко и эффективно реагировать на нарушения прав человека — на вполне законных условиях, разумеется, — у международного сообщества имеется.

...Таким образом, очевидно, что "подправить" международное право так, чтобы легализовать гуманитарные интервенции, осуществляемые по своему усмотрению группой стран, невозможно, поскольку это уже не право, а произвол. Необходимо продумать комплекс мер по развитию международного права и его адаптации к современным реалиям.

...Сейчас же первейшая задача — восстановить и укрепить уважение к международному праву. А это означает принятие мер к тому, чтобы ООН и ее Совет Безопасности в полной мере сыграли роль, предписанную Уставом ООН".

Касаясь конкретной тематики Санкт-Петербургской конференции, С.А.Орджоникидзе четко определил и позиции нашей страны по всем трем вопросам ее повестки. Отметив, что в активе последних лет имеется ряд важнейших договоров по разоружению и сдерживанию гонки вооружений, С.А.Орджоникидзе в то же время особо подчеркнул, что

“по-прежнему разоруженческая повестка остается критически важной... Есть основания говорить об определенном изменении качества проблемы разоружения. На первый план выступают новые задачи и ориентиры. Стержневым направлением становится укрепление режима нераспространения оружия массового уничтожения, прежде всего ядерного оружия. Все большее практическое значение приобретают вопросы неукоснительного осуществления действующих соглашений, включая деятельность предусмотренных ими контрольных механизмов”.

Оценивая состояние дел с соблюдением международного гуманитарного права, С.А.Орджоникидзе заявил: *“Разрыв между нормой права и реальностью зачастую здесь трагически слишком велик. Это со всей очевидностью показала приведшая к разрушению целой страны силовая акция НАТО в Югославии, которая не укладывается ни в какие рамки пропорциональности, предписываемой гуманитарным правом. Необходимо усилить контроль над осуществлением норм гуманитарного права. Важнейшую роль в этом мог бы сыграть Международный Комитет Красного Креста. Стоит также рассмотреть вопросы о расширении функций Международной комиссии по установлению фактов, о создании в рамках Женевских конвенций Комитета по обзору выполнения государствами своих обязательств. Способствовать решению этой проблемы призван и Международный уголовный суд.*

В проблеме мирного урегулирования споров основной акцент должен быть сделан на предотвращение конфликтов. Здесь на передний план выходит проблема эффективного задействования имеющегося инструмента для мирного урегулирования споров”.

Заключительным аккордом выступления С.А.Орджоникидзе прозвучало его заявление о том, что *“международная политика должна быть правомерной, если она действительно желает удовлетворить не эгоистические и честолюбивые интересы, а законные интересы народов, ради которых существует само международное право”.*

На открытии конференции выступили также губернатор Санкт-Петербурга В.А.Яковлев, председатель Ассоциации юристов Санкт-Петербурга А.И.Александров, вице-президент Международного Комитета Красного Креста П.Келлер, вице-президент Международной федерации обществ Красного Креста и Красного Полумесяца Л.Г.Потравнова, президент международной коалиции неправительственных организаций “Гагский призыв к миру” К.Вайсс, заместитель Генерального секретаря Постоянной палаты Третейского суда Ф.Хамильтон, председатель Гагской экспертной конференции, посвященной Столетию Первой международной конференции мира 1899г., Х. ван Мирло.

Текст выступления старшего научного сотрудника Института государства и права Российской Академии наук профессора В.В.Пустогарова, посвященного роли выдающегося российского ученого и дипломата, юриста-международника Ф.Ф.Мартенса в организации и проведении конференции 1899г. и его вкладу в развитие международного права, был оглашен (ввиду болезни В.В.Пустогарова) заведующим кафедрой международного права Московской государственной юридической академии профессором К.А.Бекашевым.

Во всех этих выступлениях содержалось много интересных идей и конструктивных предложений, которые еще ждут своего исследования.

Во второй и третий дни работы Конференции проходили заседания секций. Организационно заседание каждой секции проходило следующим образом: заслушивались выступления основного докладчика и его основного оппонента, а далее выступали в свободной дискуссии остальные участники.

При этом участникам Конференции были предложены довольно объемные три доклада, подготовленные и изданные в Гааге к Третьей Конференции мира. Поэтому в Санкт-Петербурге докладчики выступали по существу с комментариями своих докладов в части их имплементационных аспектов.

Первой 23 июня работала секция “Проблемы разоружения”. С основным докладом выступил почетный директор МАГАТЭ доктор Ханс Бликс. В своем выступлении Х.Бликс сделал вывод о том, что существуют реальные предпосылки для контроля над вооружениями и разоружением и выразил надежду, что мы придем к периоду, когда вооруженные силы не будут использоваться в глобальном масштабе, хотя, возможно, и будут применяться на национальном и региональном уровнях. Этот вывод Х.Бликс основывает на следующих факторах:

- происходит глобальная интеграция в области экономики, финансов и коммуникаций. Соккрытие определенных фактов и производств военного характера с каждым днем становится все более трудной задачей, учитывая интенсивные взаимные связи в современном мире;

- существует большое количество институтов и механизмов для разрешения разногласий и споров между государствами;

- усиливается превалирование в глобальном масштабе идеологии плюрализма и защиты прав человека. И хотя эта идеология еще не установилась повсеместно, очень большие регионы движутся в направлении большей демократии.

- уменьшаются с каждым днем территориальные и пограничные споры и конфликты. Именно эти споры и становятся зачастую причиной гонки вооружений и войн.

- утвердившееся осознание ядерными державами опасности ядерного противостояния, что заставляет эти государства быть более благоразумными. (Данный фактор сам Х.Бликс оценивает как неоднозначный).

Все эти факты, по мнению Х. Бликса, позволили серьезно улучшить ситуацию со сдерживанием гонки вооружения и контролем над вооружением.

Перейдя к детальному анализу конкретных направлений и форм ограничения гонки вооружений и разоружения, Х. Бликс основное внимание уделил различным аспектам контроля и верификации, особенно в отношении оружия массового поражения. При этом для своего анализа и выводов Х. Бликс использовал чаще всего ситуацию с Ираком, которую он охарактеризовал как водораздел в области международной верификации между существующими и будущими системами контроля. Проблема состоит в том, что ни одна из существующих международных систем контроля и инспекции, включая МАГАТЭ, не дает стопроцент-

ной уверенности в том, что принятые обязательства по системе контроля будут уважаться.

Х. Бликс ссылается на мнение экспертов (по существу солидаризируясь с ними), что существующая система международных соглашений по контролю и верификации недостаточна. Эксперты пришли к выводу, что данная система должна быть дополнена расширенными национальными средствами верификации и готовности действовать при необходимости односторонне для того, чтобы заstopить распространение оружия массового поражения. Такие меры контрраспространения могут включать упреждающие военные удары, удары по таким объектам, которые нарушают международные соглашения. Кроме того, такие меры необходимы для борьбы с какими-либо безответственными государствами, которые могут произвести биологическое, химическое и ядерное оружие.

В случае с Ираком, считает Х. Бликс, это привело к разработке новых мощных методов верификации, которые дают возможность смотреть в будущее с оптимизмом. Бомбардировки, которые начались в 1998г., заставили Ирак предоставить полный и беспрепятственный доступ инспекторам, которые занимались поиском производства ядерного, биологического и химического оружия. К сожалению, признает Х. Бликс, результатом явилось то, что инспекторы Комиссии ООН и МАГАТЭ были вынуждены покинуть Ирак и с тех пор в течение длительного времени не проводилось никаких инспекций в этой стране.

Этот пример контрастирует с ситуацией в отношении КНДР, когда государства не обошли Совет Безопасности вниманием и его постоянные члены проявили солидарность для того, чтобы сдерживать риск распространения ядерного оружия.

В целом доклад Х. Бликса был выдержан в духе серьезной озабоченности ухудшением в мире ситуации с разоружением. Сегодня, в конце XX века, считает Х. Бликс, перспектива разоружения по ряду причин выглядит намного мрачнее, чем еще несколько лет назад. Ядерные испытания Индии и Пакистана, военные проекты Ирака и КНДР и некоторых других стран, бесконтрольное производство обогащенного урана и плутония, замедлившийся процесс подписания и ратификации Договора о всеобъемлющем запрещении испытаний ядерного оружия, угроза Договору о ПРО, не ратификация Договора СНВ — 2, тупик в работе Конференции по разоружению в Женеве создают реальную угрозу разоруженческому процессу и в конечном итоге международной безопасности.

Сейчас задача первостепенной важности — восстановить детант (ослабление напряженности) в мире, который ускользает. Это восстановление должно включать в себя прежде всего возвращение к тесному сотрудничеству с Советом Безопасности ООН, что, по мнению Х. Бликса, сразу же улучшит ситуацию с ограничением гонки вооружений и разоружением.

Официальным оппонентом по докладу Х. Бликса выступил эксперт Конституционного Суда РФ доцент Б.Р. Тузмухамедов (сразу же заявивший, что выступает в личном качестве), который также выразил озабоченность сложившимся положением в области разоружения.

По мнению Б.Р. Тузмухамедова, проблема разоружения неоднозначно оценивается в теории и практике. Также не было гармоничным и развитие права разоружения как отрасли международного права. Неоднозначное состояние права разоружения в нынешних условиях отразил и Международный Суд ООН. В 1986 г. в своем решении по делу Никарагуа против США Суд записал, что "в международном праве нет норм, за исключением таких, которые признаны заинтересованными государствами договорным или иным путем, в соответствии с которыми уровень вооружений современного государства может быть ограничен. И этот принцип применим ко всем государствам без исключения". Иными словами, делает свой вывод Б.Р.Тузмухамедов, государства не обязаны разоружаться. И никакая сила, кроме их суверенной воли, не может заставить их это сделать.

Десять лет спустя в своем заключении о законности угрозы или применения ядерного оружия Суд единогласно заявил о существовании у государств "обязательства вести в духе доброй воли и завершить переговоры, ведущие к ядерному разоружению во всех его аспектах под строгим и эффективным международным контролем".

На взгляд Б.Р. Тузмухамедова, *"после крупных достижений в области контроля над вооружениями и разоружением, достигнутых в 60-70-х годах, переговорный процесс в области разоружения замедлился, а после того, как был израсходован потенциал, накопленный ранее, в этом процессе наступил спад. Стали явными признаки стагнации"*. Даже подписанные в 90-е годы конвенции по вопросам разоружения должны быть, считает Б.Р. Тузмухамедов, отнесены к тому потенциалу, который был накоплен в прошлом.

"Ряд согласованных и существующих режимов подвергаются воздействию, которое может оказаться для них разрушительным. Договор об ограничении систем ПРО может прекратить свое существование в случае, если через год США, как они намеревались, примут решение о развертывании национальной системы ПРО."

Наряду с сохранением существующих режимов актуальной является задача выработки новых режимов ограничения и сокращения вооружений. Предметы регулирования здесь могут быть самые разнообразные: расщепляющиеся материалы, военно-морские вооружения или что-нибудь вовсе "экзотическое", например, стрелковое оружие.

С правовой же точки зрения, как мне кажется, как некий эксперимент в области юридической техники, не меньший интерес представляло бы изучение возможности и целесообразности превращения в конвенционную норму режима контроля над ядерными технологиями. Строго говоря, этот режим является "мягким правом". Однако, навязывая определенные стандарты в области экспортного контроля, выработанные наиболее влиятельными членами этого режима, он перестает быть сводом простых рекомендаций. Возможно, международная конвенция о нераспространении ракет и ракетных технологий стала бы более демократичным, универсальным и эффективным инструментом. Если бы выработка этой конвенции была поручена Конференции по разоружению, то деятельность этого органа могла бы оживиться.

Вопрос о сочетаемости и спряжении различных существующих и пер-

спективных режимов может представлять интерес для юристов — ученых и практиков. Разумеется, речь не идет о создании некоей суперорганизации, которая занималась бы всеми вопросами разоружения, начиная от выработки нормы и через процесс проверки, контроля и обеспечения соблюдения. Однако уже сейчас ряд крупных договоров содержат взаимные отсылочные статьи, а исполнение ряда из этих договоров так или иначе связано с Советом Безопасности ООН. Этими договорами образованы конвенционные органы, в отдельных случаях они используют уже существующие структуры. Вот сотрудничество между этими органами (в тех пределах, которые допускают уставные документы) могло бы способствовать взаимодействию режимов, установленных различными договорами об ограничении вооружений".

В дискуссии по проблемам разоружения выступили И. Дьякону — посол Румынии в России, Дж. Берроуз — исполнительный директор Комитета юристов по ядерной политике (США), Г.М. Мелков — профессор Московской государственной юридической академии, В.Н. Бровкина — председатель Совета мира и согласия (Санкт-Петербург), Ж. Кабассо — исполнительный директор фонда юристов — правозащитников Западных штатов (США), Б. Пейс — генеральный секретарь Гаагского призыва к миру, Ю.В. Гусынина — представитель МИД России, В.С. Котляр — арбитр ООН по спорам государств по морскому праву (Москва) и другие.

Из-за лимита времени не всем желающим выступить было предоставлено слово. Выступающие же ораторы представляли разные страны, разные, порой диаметрально противоположные, точки зрения. Но все выступления отражали обеспокоенность состоянием дел с разоружением. В этих выступлениях содержался анализ состояния разоруженческого процесса и содержались конкретные предложения по совершенствованию существующих и созданию новых имплементационных мер.

Так, в частности, посол Румынии И. Дьякону считает, что к Конвенции о биологическом оружии должен быть принят Протокол, содержащий механизм контроля за соблюдением положений Конвенции.

Дж. Берроуз (США) считает, что устрашающее воздействие ядерного оружия, основанное на политике ответного удара, в XX в. сыграло свою позитивную роль. Оно оказало большое влияние на формирование понятия "стабильность". Но прогресс в области ядерного разоружения потребует отказа от позиции ядерного сдерживания. И когда ядерное противостояние будет закончено, нужно будет перейти к другим шагам. По мнению Дж. Берроуза, в следующем веке политика ответного удара с использованием ядерного оружия недопустима.

Во внесенном Дж. Берроузом предложении содержится перечень следующих мер:

- сокращение и ликвидация ракет и других средств доставки, а также принятие иных мер, которые бы уменьшили возможность случайного использования ядерного оружия;
- немедленное проведение переговоров для создания институциональных рамок для реализации вышеуказанных мер;

- создание средств, необходимых для контроля и проверки соблюдения существующих обязательств;
- принятие Конвенции о сокращении обычных вооружений; немедленное проведение переговоров между Россией и США о сокращении стратегических наступательных вооружений;
- установление соответствующего режима проверки за вооружениями и разоружением;
- осуществление контроля за теми средствами, которые часто используются для разведки, в частности, за спутниками.

Профессор Г.М. Мелков, полемизируя со сторонниками полной ликвидации оружия, включая стрелковое, назвал подобные предложения химерой. *“Предположим, что полностью ликвидировали бы стрелковое оружие. Что тогда? Возвращаться к топорам, лукам и стрелам? Конечно, нет. И вряд ли это достижимо”*. Подробно и эмоционально Г.М. Мелков вскрыл опасность, которую несут имеющееся, по его утверждению, на вооружении России, США и НАТО стрелковое оружие с пулями калибром 5,45 мм и 6,55 мм, которые обладают неустойчивой баллистикой полета и при попадании в тело человека опрокидываются, не оставляя раненому шансов на жизнь. Кроме того, по его же утверждению, в России со времен СССР имеются подобные пули со смещенным центром тяжести (что ранее тщательно скрывали), которые в теле человека разрываются на два — три осколка, движущихся в разных направлениях и рвущих человеческое тело на части. *“Я — юрист, — заявил Г.М. Мелков, — и несу ответственность за свои слова”*. Г.М. Мелков передал в президиум Конференции разработанный им проект Дополнительного протокола о запрещении пуль калибром 5,45 мм к Декларации о неупотреблении сплюснывающихся и разворачивающихся пуль 1899г. (которая, кстати, носит рекомендательный характер — В.И.).

Г.М. Мелков, охарактеризовав военную операцию НАТО против Югославии как агрессию, которая перечеркнула всю сложившуюся на основе международного права систему международной безопасности, высказался против дальнейшего ядерного разоружения в отношениях между Россией и США. *“Нам нужно сделать все для того, чтобы у нас остались ракеты СС-18 (“Сатана” по американской терминологии) как гарантия национальной безопасности России. И никакого СНВ-3 быть не может. Мы и так можем уничтожать любое ядерное оружие. Но то, которое достигнет территории США, мы должны иметь (хотя это кому-то и не понравится)”*.

Котляр В.С. (чрезвычайный и полномочный посланник II класса в отставке, арбитр ООН по спорам государств по морскому праву — Москва) высказал мнение о том, что после действий НАТО против Югославии *“вопросы об имплементации соглашений о разоружении очень трудно рассматривать в отрыве от состояния вопросов о мирном разрешении споров и особенно в отрыве от возврата в полном объеме к положениям Устава ООН относительно функций Совета Безопасности”*. До недавнего времени, отмечает В.С. Котляр, Россия при перестройке своей внешней и военно-стратегической политики исходила из понимания того, что *“не может быть принято решение о применении силы в мире иначе, как на согласованной основе, закрепленной в Уставе ООН”*.

Тогда, следовательно, у России не было бы никакой необходимости сохранять крупнейший военный потенциал, потому что ее политические интересы и так будут приниматься во внимание.

Что же получилось на практике? Важнейший инструмент по сохранению безопасности в мире — Совет Безопасности ООН — обойден при принятии решений по Косово. Были предприняты односторонние действия в обход Устава ООН и Совета Безопасности.

То же самое случилось и с механизмом ОБСЕ, который специально и был придуман для того, чтобы предотвращать подобные ситуации. А ведь все 19 стран НАТО являются участниками ОБСЕ.

Постоянный Совет НАТО — Россия создан как раз для того, чтобы проводить консультации в случае, когда ставится вопрос о проведении такого рода операций. Это тоже не было использовано.

Вот и вопрос: улучшили ли события в Косово предпосылки для дальнейшего разоружения или нет? Для меня и для многих в этом зале ответ ясен: они только ухудшили. То, что произошло, на наш взгляд, является совершенно явным нарушением международного права".

По мнению В.С. Котляра, одним из выводов данной Конференции и ее рекомендацией для Генеральной Ассамблеи ООН должен быть призыв "к возврату на твердую основу положений Устава ООН и прежде всего к выполнению в полном объеме всеми государствами, особенно постоянными членами Совета Безопасности, положений о компетенции Совета Безопасности в этих вопросах. Только тогда мы можем говорить о реальных возможностях преодоления процесса сокращения вооружений".

Председательствовавший на секции по проблемам разоружения Яап Рамакер (Нидерланды), подводя итоги заседания, отметил следующие новые положения, выдвинутые на Конференции в Санкт-Петербурге и не обсуждавшиеся в Гааге.

1. Механизм контроля и верификации. Есть потребность в обмене опытом между разными механизмами контроля на основе существующих и будущих многосторонних правовых документов в области нераспространения и разоружения (Договор о нераспространении ядерного оружия, Договор о всеобъемлющем запрещении испытаний ядерного оружия, Конвенция о запрещении бактериологического оружия, Конвенция о запрещении химического оружия и другие (в том числе и возможные в дальнейшем)). Нужно учитывать также аспекты экономической в верификации и контроле.

2. Нераспространение ядерного вооружения. Было высказано много предложений. Указывалось на необходимость дальнейшего сотрудничества и прогресса государств в этой области и, в частности, в имплементации ст.7 Договора о нераспространении ядерного оружия. Конференция по разоружению должна начать свою работу на основе специального подкомитета по ядерному разоружению. Срочно начать переговоры внутри конференции по Договору о сокращении производства расщепляющихся материалов. Выражено мнение о необходимости ратификации и скорейшего вступления в силу договора СНВ-2 и скорейшего начала переговоров об СНВ-3, чтобы далее сокращать арсеналы ядерного вооружения в США и России. Прогресс односторонних переговоров не нужно останавливать в результате блокады одного

из конкретных вопросов. Дальнейший прогресс ядерного разоружения потребует отказа от принципа ядерного сдерживания. Необходимость вступления в силу всеобъемлющего договора о запрещении ядерных испытаний — мнение всех участников обсуждения вопросов разоружения. Ядерное оружие нужно снять с дежурства и вывести за пределы территории государств, где оно находится и вернуть в те государства, которым оружие принадлежит.

Нужен механизм для контроля необратимости процесса ядерного разоружения. Необходимы дополнительные усилия МАГАТЭ, России и США. Так называемая трехсторонняя инициатива для контроля и верификации ядерных материалов под эгидой МАГАТЭ — хороший пример механизма контроля. Договор по ПРО: ряд участников подчеркнули ключевую роль этого договора 1972 г. как основополагающего элемента стратегической безопасности в регионе и необходимости дальнейшего сокращения ядерных вооружений. Так называемая “тактическая оборона” ПРО — это проект, который может поставить под срыв жизнеспособность Договора по ПРО 1972 г.

3. Нераспространение ядерных технологий. Необходимо проводить в рамках Конференции по разоружению переговоры по разработке многосторонней конвенции по нераспространению ракетных технологий (ракет). Обычное вооружение (стрелковое оружие). Есть необходимость продлить и укрепить существующие регистры вооружения ООН с тем, чтобы они охватывали и некоторые виды стрелкового оружия. Необходимость скорейшего заключения соглашения по адаптации Договора по обычным вооружениям в Европе.

4. Что касается региональных организаций, было выражено мнение: больший упор следует сделать на роль региональных договоренностей. Необходимо повысить роль таких учреждений, например, как ОБСЕ, как это и предусматривается гл. 8 Устава ООН, с использованием более политических, чем военных инструментов для урегулирования международных споров.

На второй день после обеденного перерыва работала вторая секция — “Международное гуманитарное право”. С основным докладом выступил Генеральный докладчик Мероприятий по столетию Первой конференции мира К. Гринвуд. Основное внимание докладчик уделил вопросам соблюдения международного гуманитарного права (МГП), методом его имплементации. По мнению К. Гринвуда, *“проблема сегодня состоит в том, что нам не нужны какие-то дополнительные положения права, а нужно добиться соблюдения уже существующих правовых норм”*.

Свое выступление К. Гринвуд разделил на три части. В первой части он рассмотрел меры, которые необходимо предпринять в мирное время, пока не идут боевые действия, для укрепления режима соблюдения МГП. По мнению докладчика, *“необходимо разработать меры со стороны всех государств по обеспечению соблюдения права до того, как они будут вовлечены в вооруженные конфликты. Нам необходимо создать культуру соблюдения права, при которой индивидуальные лица (солдаты, моряки, летчики, политики, гражданские лица) будут считать обязательным учитывать гуманитарные ценности при принятии решений. Нужно создать гуманитарные рефлексы, при которых будет учитываться между-*

народное гуманитарное право, чтобы оно стало второй природной привычкой директивных решений. И это должно основываться не только на угрозе наказания после завершения конфликта. Это требует, прежде всего, соответствующего образования, подготовки кадров. Необходимо добиться осознания военными руководителями их огромной ответственности по отношению к своим подчиненным в деле обеспечения и соблюдения международного гуманитарного права”.

Но учить и готовить к применению МГП нужно, по мнению К. Гринвуда, не только военнослужащих. В период вооруженных конфликтов для участия в них привлекаются гражданские и полугражданские лица, милицейские подразделения. Поэтому нужно учить и регулярные войска и других Потенциальных участников военных действий.

Далее, необходимо добиваться, чтобы государства во исполнение ст. 58 Первого Дополнительного протокола не размещали военные объекты близко к гражданскому поселению.

Государства должны также еще в мирное время принимать соответствующее внутреннее уголовное законодательство, чтобы иметь правовую основу для преследования лиц, виновных в серьезных нарушениях МГП. Однако часто государства ратифицируют Конвенции и Протоколы, не вводя во внутренне законодательство соответствующие юридические процедуры их соблюдения.

Во второй части доклада К. Гринвуд остановился на “*превентивных мерах, которые могут приниматься во время вооруженного конфликта, и на мерах, которые предусматривают профилактику нарушений, а не наказаний*”. Докладчик считает, что прежде всего необходимо “*возобновление или оживление старых инструментов, которыми перестали пользоваться последние пятьдесят лет*”. К ним он относит в первую очередь институт государственной защиты жертв войны. Женевские конвенции предусмотрели механизмы защиты раненых, больных, военнопленных и других покровительствуемых лиц, но ими очень слабо пользовались. Частично это объясняется, по мнению докладчика, “*наследием холодной войны и подозрительностью, что это может быть расценено как инструмент вмешательства во внутренние дела. Но этот период уже позади... Возобновив эту систему защиты и обеспечив известное давление на государства, особенно в условиях конфликта, мы можем сделать существенный шаг вперед в деле повышения уважения законности*”.

Необходимо признавать и уважать роль Красного Креста в вооруженных конфликтах. “*Красный Крест за 100 лет имеет славную историю. Но сейчас перед ним стоят новые проблемы. Если он хочет и далее эффективно действовать, то должен руководствоваться принципом конфиденциальности. Но иногда здесь может возникнуть конфликт с желанием преследовать тех, кто нарушает правила ведения войны, конфиденциальность Красного Креста существенна для возможностей его работы, для доступа к жертвам вооруженных конфликтов. Было бы неправильно компрометировать этот принцип, отдавать ему предпочтение перед принципами уголовного преследования*”.

Необходимо также активнее использовать возможности международной комиссии по установлению фактов, создание которой предус-

мотрено ст. 90 Первого Дополнительного протокола. Государства должны не просто согласиться с ее компетенцией, а активно использовать ее возможности, как в международных, так и во внутригосударственных вооруженных конфликтах.

Требуют своего внимания и защищенные районы. *“Практика за последние несколько лет продвинулась дальше того, что было записано в Женевской конвенции. сейчас это можно называть безопасной зоной. Имеется ввиду, что находящиеся там лица будут в безопасном положении. Но опыт Боснии активно предполагает, что может быть и опасный поход, если только не будет должного понимания всех сторон, что такое защищенные зоны. Это требует единого понимания того, что может находиться в этом районе, должен ли он быть демилитаризован, разоружен, какие виды деятельности могут иметь место в таком районе и каким образом этот район может защищаться третьими сторонами”.*

Третья часть выступления К. Гринвуда была посвящена различным возможным нарушениям гуманитарного права и системе санкций. В связи с этим докладчик поставил перед участниками Конференции ряд проблемных вопросов, особо остановившись на Международном уголовном суде. Сейчас, по мнению докладчика, надо идти дальше слов поддержки и стремиться к ратификации Статута Суда и соответствующего изменения уголовного законодательства государств. *“Суд не будет брать на себя бремя обвинения тех, кто нарушает внутреннее уголовное законодательство. Большая часть такого рода работы должна быть сделана в национальных судах. В результате создания Международного уголовного суда можно сказать, что это является символом для государств в деле пересмотра или создания своих механизмов расследования”.* И здесь, по мнению К. Гринвуда, один из главных вопросов состоит в следующем: *“могут ли индивидуумы, государственные лица пользоваться иммунитетом, особенно имея в виду в качестве примера решение по делу Пиночета в Великобритании”.* Также важно, считает докладчик, решить вопрос о том, чтобы уголовному преследованию подвергались виновные участники не только международных, но и внутренних, немеждународных, конфликтов. Необходимо учитывать и военные преступления по ст. 8 Статута Суда.

К. Гринвуд призвал государства, выступающие против Суда, изменить свое отношение к нему. Вместе с тем, считает он, *“чем более Суд будет эффективным, тем более он станет универсальным с точки зрения участия и поддержки его”.*

Основным оппонентом по докладу К. Гринвуда выступил профессор Ю.М. Колосов, который призвал принять *“срочные меры для того, чтобы остановить, предотвратить и прекратить нарушения норм международного гуманитарного права”.* При этом, по мнению Ю.М. Колосова, важное значение имеет распространение знаний о международном гуманитарном праве. *“Для пропаганды международного гуманитарного права необходимы не разрозненные действия различных правительственных и неправительственных организаций, а их консолидированное сотрудничество. К сожалению, в некоторых странах и, в частности, в России, пропаганда норм МГП остается в значительной мере делом отдельных активистов и энтузиастов. Эта политика еще не стала официальной*

государственной, вмененной в обязанность всех соответствующих структур. Претворение в жизнь норм МГП должно стать чувством моральной обязанности каждого члена общества и каждой государственной структуры”.

Касаясь содержащегося в докладе утверждения К. Гринвуда о том, что в конце этого века международное право может стать сравнительно малоэффективным, Ю.М. Колосов заявил: *“винить в этом нужно не международное право, а политических руководителей за отсутствие у них доброй воли и за несоблюдение императивного принципа *jus cogens* — договоры должны соблюдаться”*.

Полемизируя с К. Гринвудом, утверждающим, что помимо законного применения силы в целях самообороны и выполнения мер Совета Безопасности *“возможна и некоторая другая цель, для которой использование силы может допускаться по международному праву”*, профессор Ю.М. Колосов категорически заявил: *“Современное международное право не знает такого принципа и не знает такой цели. Такой цели и быть не может, она антигуманитарна. Что же касается так называемого “мягкого права”, на которое ссылаются для обоснования действий, которые ведут к нарушению международного гуманитарного права, то такого “права” международное сообщество не признавало до сих пор и его нет. Оно существует только в теориях и не может явиться основанием для принятия политических решений и совершения политических и военных акций”*.

Что касается вопроса о “связанности” вооруженных сил ООН (или действующих под эгидой ООН) в их действиях нормами МГП, на который К. Гринвуд отвечает положительно, то Ю.М. Колосов *“склонен считать, что не ООН как таковая должна нести международную ответственность за соответствие действий войск под эгидой ООН нормам международного гуманитарного права, а каждое отдельно взятое государство, чьи воинские контингенты принимают участие в военных операциях под эгидой ООН по решению Совета Безопасности”*.

Профессор Ю.М. Колосов поддержал предложения К. Гринвуда относительно поднятия возраста призыва на военную службу с 15 до 18 лет. Но в отличие от К. Гринвуда, который считает необходимым внести изменения в Женевские конвенции о защите жертв войны, Ю.М. Колосов высказался за альтернативный вариант: добиваться принятия разработанного в Комиссии ООН по правам ребенка соответствующего факультативного протокола к Конвенциям. Уже в течение нескольких лет не удается принять этот важный протокол из-за сопротивления отдельных государств.

В заключение оратор заявил, что путь к имплементации — это неотвратимость наказания для тех, кто нарушает МГП, совершая преднамеренные действия, противоречащие положениям Женевских конвенций. Согласно международному праву, государства взяли на себя обязательства разыскивать лиц, обвиняемых в этих нарушениях, и выдавать их для суда той стране, которая имеет доказательства, дающие основания для обвинения. Учитывая, что в последние годы все большее количество нарушений направлено против гражданского населения и особенно во время внутригосударственных вооруженных конфликтов,

Ю.М. Колосов особо обратил внимание на положения Конвенции о защите гражданского населения во время войны, закрепившие ее применение не только в случае объявленной войны, но и в случае всякого другого вооруженного конфликта, даже если одна из сторон не признает состояния войны.

Далее в прениях выступили представитель Ватикана Джорджио Филебек, профессор Украинской государственной юридической академии В.С. Семенов, представитель консульственной службы Международного Комитета Красного Креста Пьер Апраксин, представитель Генерального Секретаря международной неправительственной организации “Гаагский призыв к миру” Бил Пейс, профессор Санкт-Петербургского государственного университета Л.Н. Галенская, начальник кафедры Военно-морской академии Р.Н. Муру, юридический советник правительства Королевства Нидерландов Адриан Бос, вице-президент Гильдии российских адвокатов С.С. Юрьев, глава юридического отдела МИД Югославии Джордже Лопичич и др.

Дж. Филебек (Ватикан) в своем выступлении остановился на необходимости обеспечения культуры соблюдения международного гуманитарного права и выразил убеждение, что в современном мире “сила закона может доминировать над законом силы”.

Пьер Апраксин (Московская делегация МККК) подробно рассказал о деятельности МККК по имплементации международного гуманитарного права и о распространении знаний о нем среди различных государственных органов, военных кругов, вузовской общественности, особо остановившись на работе созданной в 1995 году Консультативной службы по международному гуманитарному праву, которая является специальным отделом юридического департамента МККК. Как отметил П. Апраксин, работа указанной службы в различных странах осуществляется по двум приоритетным направлениям: первое касается содействия принятию этими странами внутреннего уголовного законодательства, которое позволило бы пресечь военные преступления; второе касается создания внутригосударственного межведомственного органа по координации деятельности всех властных структур государства, связанных с имплементацией международного гуманитарного права. В связи с этим оратор детально охарактеризовал формы и методы работы данной службы по имплементации международного гуманитарного права.

Профессор Л.Н. Галенская (Санкт-Петербург) привлекла внимание участников Конференции к еще не рассматривающемуся на Конференции аспекту МГП — защите культурных ценностей во время конфликтов. При этом Л.Н. Галенская, рассматривая Конвенцию о защите культурных ценностей во время вооруженных конфликтов 1954 г. как значительное достижение мирового сообщества, указала в то же время и на ряд ее недостатков. Конвенция рассчитана на обычные вооружения. В ней отсутствует указание на какие-либо составы преступлений, отсутствует также понятие военной необходимости. Это снижает действенность Конвенции. Частично, по мнению Л.Н. Галенской эти вопросы были отражены в новом Протоколе к Конвенции, принятом 26 марта 1999 г. В нем не только дается перечень и составы уголовных преступ-

лений и предусматривается уголовная и административная ответственность, но и установлено право государства на наказание, регламентированы вопросы экстрадиции и т.д. Однако, считает Л.Н. Галенская, и этот Протокол вызывает определенную критику. Остался нерешенным вопрос о том, что такое военная необходимость, в ходе которой могут быть уничтожены культурные ценности, в том числе и находящиеся под особой защитой. Протокол не дает возможность разграничить уголовные преступления и просто правонарушения, наказуемые в административном или дисциплинарном порядке.

Но главная проблема, о которой, считает Л.Н. Галенская, практически перестали говорить, состоит не в установлении и привлечении к ответственности конкретного виновного лица. Конечно, можно наказывать солдата. Но, по мнению выступающей, “особенность ответственности в период вооруженных конфликтов состоит в том, что за эти конфликты и за то, что происходит во время конфликтов, несет ответственность государство”. Сославшись на последние примеры бомбардировок НАТО территории Югославии, когда часто ракеты и бомбы “непреднамеренно” поражали гражданские объекты, Л.Н. Галенская выразила обеспокоенность тем, что за это никто не несет ответственности. В заключение она поддержала докладчика в том, что нет необходимости создавать новые нормы гуманитарного права, а нужно выполнять уже существующие.

Д. Лопичич (Югославия) посвятил свое выступление информации о “военных преступлениях против гражданского населения, совершенных странами-членами НАТО против Югославии”, приведя множество фактов, свидетельствующих о значительных жертвах и разрушениях в результате бомбардировок территории Югославии. Он дал юридическую квалификацию действий НАТО против Югославии. НАТО нарушила Устав ООН, нормы международного гуманитарного права, основные права человека. Оратор отметил, что государства-члены НАТО нарушили и свой статут, так как это региональная оборонительная организация, которая может использовать вооруженную силу лишь в случаях, связанных с нападениями на участников этого альянса. Д. Лопичич отвергает тезис о праве на гуманитарное вмешательство. “Сейчас нет ни одного международного документа, который позволял бы проводить агрессию под прикрытием так называемого гуманитарного вмешательства. Ответственность за агрессию и военные преступления в Югославии были совершены всеми членами НАТО. Преступления требуют расследования, и это будет сделано в югославских судах”.

Подводя итоги дискуссии по проблемам МГП, председательствующий Х.В. Лонгва (Норвегия) отметил следующее.

1. В Санкт-Петербурге по сравнению с Гаагской экспертной конференцией основной упор в дискуссии был сделан на имплементацию МГП, а также был поднят и рассмотрен ряд новых проблемных тем, к которым он отнес имплементационные аспекты действия Гаагской конвенции о защите культурных ценностей 1954 г. и нового Протокола к ней, открытого для подписания в мае 1999 г., Оттавской конвенции о противопехотных минах, будущую роль Международного уголовного суда и его Статута в повышении эффективности МГП.

2. Участники дискуссии были единодушны в том, что для обеспечения эффективности МГП необходимо прежде всего соблюдать уже существующие правовые нормы. Но при этом по ряду вопросов возникли разногласия. Например, это касалось вопроса о том, когда считается законным применение силы. С другой стороны, в целом наблюдалось согласие в отношении того, что использование силы всегда должно соответствовать требованиям целесообразности и пропорциональности.

3. При обсуждении вопросов, связанных с военными операциями, оккупацией и урегулированием вооруженных конфликтов, было отмечено, что юрисдикция создаваемого Международного уголовного суда должна распространяться на преступления, совершенные в период вооруженных конфликтов.

4. Должно быть улучшено соблюдение обязательств государств в отношении МГП во время вооруженных конфликтов, а также предприниматься превентивные меры в мирное время как на национальном, так и на международном уровнях. К ним, в частности относятся следующие меры:

- Подготовка, обучение персонала по применению норм МГП;
- Практическое понимание и подготовка в мирное время к предупреждению вооруженных конфликтов;

- Принятие законодательных и административных механизмов необходимых для выполнения государствами обязательств и судебного преследования нарушений Женевских конвенций и их протоколов;

Во время работы третьей секции "Мирное урегулирование международных споров" участники Конференции заслушали выступления Генеральных докладчиков Кристофора Пинто и Франсиско Оррего Вилуны и официального оппонента К.Г. Геворгяна.

Свои выступления докладчики посвятили тому, чтобы *"сделать обзор международных методов разрешения споров, которые использовались в этом веке, и предложить какие-то новые методы, которые будут соответствовать требованиям будущего"*.

К. Пинто в начале своего доклада остановился на предложениях по внесению изменений в Уставе ООН, отметив при этом, что это очень сложный процесс и эти предложения могут быть заблокированы любой из великих держав, отметил важную роль Международного Суда и проанализировал объективно сталкивающиеся в любом споре позиции государств, стремящихся не уронить своего суверенного достоинства и найти наиболее приемлемые методы разрешения споров и разногласий.

В этой связи К. Пинто упоминает прежде всего переговоры и консультации, а также такие *"необязательные методы решения споров, как добрые услуги, посредничество, обслуживание, примирение и арбитраж"*.

При этом докладчик основное внимание уделяет примирению, обращая внимание на тот факт, что сами государства в основном предпочитают примирение как основной метод разрешения своих споров. Для доказательства этого К. Пинто проводит довольно обстоятельный анализ международных договоров и международной практики. В связи с

этим К. Пинто предлагает учредить в рамках ООН Постоянный Комитет по примирению, который мог бы состоять из 20 представителей государств-членов ООН. Эти представители могут назначаться по региональному принципу (например, по 5 представителями от Африки, Америки, Азии и Европы) на определенный срок (например, на полгода или один год). При назначении в Комитет можно использовать алфавитный порядок названия стран в каждом регионе. Комитет мог бы по просьбе любого государства предлагать свои услуги в конфликтных ситуациях. При этом он мог бы также заниматься не только предотвращением ухудшения конфликта, но и нахождением долгосрочных решений. Вся деятельность Комитета должна осуществляться при строжайшей конфиденциальности. Это, по мнению К. Пинто, был бы хороший эксперимент в такой дипломатии, и только окончательный результат мог бы быть открыто объявлен надлежащему органу ООН.

Создание такого Комитета не будет означать внесения поправок в Устав ООН. Это может быть сделано путем принятия резолюции Генеральной Ассамблеи ООН в соответствии со ст.ст. 10, 12, 14, 22, 34, 35 Устава. При этом, считает К. Пинто, нагрузка на бюджет будет минимальной, поскольку персонал секретариата ООН мог бы предоставить Комитету необходимую информацию. Кроме того, Комитет будет осуществлять свой мандат без использования принудительной силы. К достоинствам Комитета К. Пинто относит также следующие черты: обычная готовность действовать во всем мире и во всех странах, активная позиция, конфиденциальность, гибкость, временные рамки, ориентированность на положительный результат.

Для реализации выдвинутых предложений необходимо, считает К. Пинто, во-первых, предварительное обсуждение данных предложений на международных конференциях и в других заинтересованных странах, а во-вторых, изменение отношений людей в обществе к проблеме международного гуманитарного права.

Для эффективной имплементации предложений недостаточно заключить новые договоры, принять новые национальные законы, вводить более суровые наказания за неисполнение. Главное — изменить поведение людей в обществе. А этого, считает К. Пинто, можно достичь лишь путем повышения образования. Для осознания необходимости, например, разоружения необходимо, считает докладчик, целое поколение. И если заняться всей этой работой сейчас, то вполне возможно, что XXI станет самым мирным веком в истории человечества.

Второй докладчик Ф.О. Видуния в начале своего выступления указал прежде всего на происходящую фундаментальную трансформацию мирового сообщества, переход от евро-центристского порядка к глобальному обществу. И здесь наблюдаются две конкретные тенденции широкого плана. *“Мировое сообщество становится более децентрализованным в плане своей организации. Но это влечет за собой определенную опасность и возможность фрагментации права. В то же время, однако, мы сталкиваемся с большей интеграцией в международном сообществе, включая вопросы регионализма и взаимодействия между внутренним и международным правом”.*

В связи с этим значительное место в выступлении Ф.О. Видуны отведено обоснованию необходимости формирования альтернативной глобальной системы урегулирования международных споров.

По мнению докладчика, именно в силу того, что международное сообщество становится более децентрализованным, ряд споров стал более субстантивным. Сам механизм международного урегулирования становится более широкодоступным для спорящих сторон.

Происходящие изменения в мировом сообществе, расширение рыночной экономики вносит изменения в систему средств урегулирования споров. Традиционные механизмы нуждаются в совершенствовании, например, международные суды, другие механизмы (например, консультация, расследование, посредничество и т.д.) необходимо интегрировать в более всеобъемлющую систему, которая более эффективно рассматривала бы спорные вопросы для централизованного сообщества.

По мнению Ф.О. Видуны, наряду с необходимостью совершенствования традиционных форм международного арбитража требует особого внимания развитие арбитража в отдельных областях, например, в международной торговле. Здесь, считает докладчик, нужны свои альтернативные и более гибкие процедуры. В связи с этим он высказался за изменение места и роли Постоянной Палаты Третейского Суда. Этот Суд должен *“стать одним из основных органов в создании глобальной международной альтернативной системы урегулирования споров”*.

Исходя из своего тезиса об “опасности фрагментации права децентрализованным международным сообществом”, Ф.О. Видуна предлагает создать всемирный Конституционный Суд. *“Мы постоянно сталкиваемся с ситуацией, когда есть фундаментальные отличия в спорах и здесь требуется правильная интерпретация ситуации”*. Поэтому, считает докладчик, придет время, и очень скоро, когда будет создан такой глобальный конституционный орган, который будет заниматься урегулированием споров не только в рамках ООН, а всего мирового сообщества.

Рассматривая Международный Суд ООН в качестве одного из важных механизмов предотвращения и урегулирования споров, Ф.О. Видуна заявил, что считает очень важным *“расширить консультативные функции Международного Суда, позволить Генеральному Секретарю ООН запрашивать консультативное мнение Суда, предоставить другим учреждениям ООН, региональным организациям, неправительственным организациям некоторые функции по участию в таких процедурах”*. По мнению докладчика, *“есть необходимость внести важные поправки, касающиеся, например, расширения Международного Суда (или какого-либо другого соответствующего органа), чтобы он наиболее полно отражал международное сообщество сегодня, процедура номинаций, выборов и другие методы работы, возможности назначения адвокатов и других должностных лиц”*. Кроме того, докладчик высказался за то, чтобы рассмотреть и вопросы о возможностях и условиях допуска индивидов и неправительственных организаций к судебным процедурам рассмотрения международных споров.

Ф.О. Видуна внес предложение далее о создании международной школы международного права в форме, например, НИИ высокого

уровня в Гааге. Этот институт, считает он, должен разрабатывать такое международное право, которое бы учитывало те проблемы, которые будут возникать, и то, как их можно решить.

В заключение докладчик вместе с тем отметил, что имеется и другая точка зрения, согласно которой *“нет необходимости в новых структурах международного сообщества, не надо плодить дополнительные механизмы, а нужно как-то подправить существующие структуры”*. Но в любом случае, делает вывод Ф.О. Видуныя, *“необходимы коренные изменения в проблеме мирного урегулирования споров”*.

В своем выступлении основной оппонент К.Г. Геворгян, положительно оценив доклады, в то же время остановился на отдельных дискуссионных моментах. Касаясь прогноза докладчиков о развитии в дальнейшем международного права как суперструктуры, в которой существенно уменьшится роль государства за счет усиления негосударственных акторов (корпораций, неправительственных организаций, индивидов), К.Г. Геворгян согласился, что отдельные институты международного права действительно развиваются в этом направлении. Но эти институты *“не подменяют традиционное и наиболее существенное значение международного права как регулятора и опоры межгосударственных отношений. Правопорядок будущего во многом будет зависеть от укрепления именно этой функции международного права, в том числе и в применении к мирному урегулированию споров”*.

К.Г. Геворгян согласился с общей посылкой докладчиков, что *“децентрализация и пролиферация международно-правовых инструментов и механизмов выдвигают новые задачи для Международного Суда ООН”*. Но при этом он подчеркнул, что в деятельности Суда как органа по разрешению споров появляется новый элемент: *“через решение Суда обеспечить единое применение международно-правовых норм. Эта функция носит, — считает К.Г. Геворгян, — нормотворческий характер. Решение Международного Суда фактически уже стало одним из источников международного права. Можно предположить, что эта сторона деятельности Суда в будущем будет выходить на первый план”*. Вместе с тем К.Г. Геворгян призвал к определенной осторожности в том, что касается выдвинутых докладчиками предложений о расширении круга субъектов, обладающих правом обращения в Суд, в том числе и за консультативными заключениями. *“Это не должно ни политизировать деятельность Суда, ни девальвировать значение его решений”*.

К.Г. Геворгян высказал также сомнение в целесообразности изменения Статута Суда и высказал при этом убеждение, что *“и в рамках существующей структуры имеются широкие возможности повышения эффективности этого органа. Ускорение судопроизводства, создание камер, взаимодействие со специализированными юрисдикциями — вот те направления, которые мы видим в первую очередь”*, — подчеркнул он.

Говоря об имплементационном аспекте мирного урегулирования споров, К.Г. Геворгян присоединился к мнению докладчиков о том, что существующая система мирного урегулирования споров является одной из самых институционализированных в международном праве. Однако большинство механизмов этой системы, считает оппонент, не рабо-

тает, поскольку не используется государствами. Поэтому, делает вывод К.Г. Геворгян, *“дальнейшая институционализация мирного урегулирования споров вряд ли может быть отнесена к основным направлениям развития этого института. То есть путь переговоров без привлечения третьей стороны, по-видимому, и в будущем останется главным средством урегулирования разногласий”*. Под этим углом зрения рассматривается и весьма интересное предложение докладчиков о глобальной альтернативной системе урегулирования споров. Глубокую симпатию вызывает и предложение о создании постоянного Комитета по примирению. Но в его реализации имеются и подводные камни. *“Комитет предлагается как межгосударственный орган с членством, меняющимся по ротации. В этом определенный дефект, на наш взгляд. Как показывает опыт необходимые условия любой примирительной процедуры с участием третьей стороны — высокая степень доверия спорящих к посреднику. Презюмировать наличие такого доверия к органу, действующему на вышеупомянутых принципах, весьма трудно. Кроме того, целый ряд функций, которые авторы относят к компетенции подобного комитета, входит в компетенцию других органов ООН, в том числе и Совета Безопасности”*.

В заключение, говоря об имплементационных аспектах принципа мирного урегулирования споров, К.Г. Геворгян особо подчеркнул, что *“действие данного принципа в будущем не может рассматриваться изолированно от других основополагающих принципов, составляющих фундамент правопорядка. Последние события в Югославии наглядно продемонстрировали этот тезис. Мирное урегулирование споров не существует вне принципа суверенного равенства. Как образно сказал бывший Генеральный секретарь ООН Бутрос Гали, государственный суверенитет — это искусство превращать неравные силы в равные. Это и неприменение силы и ее угрозы, невмешательство во внутренние дела и соблюдение прав человека. Вот те базовые элементы, которые, — по мнению Геворгяна, — в будущем будут определять эффективность системы мирного урегулирования разногласий”*.

В дискуссии приняли участие Г.И. Курдюков — зав. кафедрой международного права Казанского государственного университета, И. Дьякону — посол Румынии в России, Ф. Берман — движение “Юристы за свободу и справедливость”, С.А. Малинин — профессор кафедры международного права Санкт-Петербургского государственного университета, Президент Санкт-Петербургского отделения Российской Ассоциации содействия ООН, Чо Джонг Во — представитель МИД Республики Корея, Платцодер Рената из ФРГ и др.

Так, например, профессор Г.И. Курдюков остановился на применении коллективных санкций, и прежде всего экономических санкций, которые принимаются в рамках Совета Безопасности ООН, и их влиянии на гуманитарную ситуацию. Г.И. Курдюков считает, что *“если устанавливается режим санкций, то надо предусмотреть, как он скажется на гражданском населении, особенно на уязвимых группах населения, прежде всего детях Или если санкции нарушают право на жизнь, здоровье, пищу и т.п., то это приводит к гуманитарной катастрофе. Получается парадоксальная ситуация: коллективные санкции, применяемые в рамках компетенции Совета Безопасности ООН, являясь правомерными дейст-*

виями, вместе с тем создают как бы неправомерную ситуацию, при которой нарушаются нормы международного гуманитарного права. И наоборот, когда осуществляются неправомерные действия, как, например, действия НАТО в Югославии, то обосновывают это стремлением исключить гуманитарную катастрофу". Г.И. Курдюков предложил внести в решение Конференции положение о том, что "введение коллективных санкций не должно приводить к ухудшению положения гражданского населения и тем более к гуманитарной катастрофе. Тогда мы будем говорить о торжестве силы права, а не права силы".

Посол И. Дьякону в своем выступлении обратил внимание на имеющиеся резервы по совершенствованию системы мирного урегулирования споров. По мнению оратора, необходимо упорядочить взаимоотношения и искать новые связи между организациями, занимающимися вопросами обеспечения безопасности, применения силы и мирного урегулирования споров, что должно способствовать разрешению возникающих конфликтов до применения силы. "В первую очередь должна эффективно использоваться система мирного урегулирования споров. Нужна лучшая корреляция глав VI и VII Устава ООН с тем, чтобы больший упор был сделан на главу VI, предусматривающую возможности мирного урегулирования, превентивные меры, профилактику со стороны органов ООН". Он поддержал предложение К. Пинто о необходимости создания Постоянного Комитета по примирению, высказался за более широкое и эффективное использование государствами возможностей ООН в урегулировании международных споров и конфликтов.

В своем выступлении профессор С.А. Малинин (Санкт-Петербург), поддержав мнение К. Пинто о примирении как основном методе урегулирования споров, пошел дальше и определил примирение как "сущностную характеристику мирного урегулирования споров вообще. Практически урегулирование всех споров, происходящих сейчас в мире, в конечном итоге преследует цель достичь примирения". Об этом свидетельствует и практика международных организаций (например, "Типовые правила согласительной процедуры по мирному урегулированию споров — ООН"; "Комплексная система мирного разрешения споров в рамках ОБСЕ", в которой предусмотрена деятельность трех комиссий по примирению).

Выразив от имени Российской Ассоциации содействия ООН беспокойство произошедшим обострением обстановки в мире в связи с Югославским кризисом, С.А. Малинин заявил: "Как это не парадоксально, но именно последний период объявленного ООН Десятилетия международного права стал фактически ником нарушений международного права. Причем нарушений самых серьезных, самых тяжких. При осуществлении операций против Югославии НАТО допустила грубейшие нарушения международного права, положений Устава ООН и даже собственного основополагающего, учредительного акта — Североатлантического договора. Нас очень настораживает та тенденция, которая определилась в документах и выступлениях лидеров НАТО в связи с 50-летием альянса. В Вашингтонской декларации прямо указано, что фактически и в дальнейшем альянс будет использовать силу,

проводить операции без согласия ООН. Это есть прямой подрыв существующего мирового правопорядка”.

В заключение С.А. Малинин высказался за то, чтобы “мирные средства стали не только главенствующими, но и единственными в урегулировании международных конфликтов”.

Подводя итоги работы третьей секции, ее председатель П.С. Рао (Индия) высоко оценил выступления основных докладчиков, оппонентов и участников и сделал в частности следующие выводы из состоявшейся дискуссии.

Соблюдение и имплементация норм по мирному урегулированию споров должны рассматриваться не как односторонние действия, а как комплексный процесс, включающий ряд различных факторов. Имплементация и мирное разрешение конфликтов — это компетенция дипломатии.

Анализируя предложения по созданию новых организаций и органов по урегулированию споров, участники дискуссии считают, что международное сообщество не может ограничиваться лишь их созданием, а должно серьезно воспринимать их и обеспечивать необходимым финансированием.

Неоднозначно оценивается и роль постоянного Комитета по примирению. Многие государства считают предпочтительным обращаться непосредственно к Генеральному секретарю и Совету Безопасности ООН. Функции Совета должны быть более репрезентативны.

Ему необходимо учитывать в работе и другие факторы. Для обеспечения соблюдения культуры международных обязательств могут быть полезны экономические санкции и стимулы.

Мирное урегулирование споров не может быть эффективным, если в это время совершается грубое нарушение Устава ООН. Отмечена важность организации региональных форумов по мирному урегулированию споров.

Поддержана идея создания международной школы международного права.

В своем заключительном слове профессор А.Л. Колодкин, подводя итоги Конференции, выразил удовлетворение ее результатами. Мнения, идеи и предложения, высказанные участниками Конференции, будут учтены председателями Гагской и Санкт-Петербургской конференций при подготовке ими доклада Генеральной Ассамблеи ООН. Вопрос об итогах Мероприятий, посвященных отмечаемым в 1999 году Столетию Первой международной конференции мира и завершению Десятилетия международного права ООН, будет включен в повестку дня 54 сессии Генеральной Ассамблеи, открываемой в сентябре 1999 года.

* * *

Состоявшийся Санкт-Петербургский форум (как и ранее Гагская экспертная конференция) вызывает двойное чувство. С одной стороны, вызывает удовлетворение как само проведение Конференции, так и ее теоретические и политические итоги. Обмен мнениями на столь представительном форуме с участием практиков и ученых, ответственных руководителей и сотрудников органов государств и межгосударственных организаций, дипломатов и представителей неправительственных организаций и вузовской и академической общественности явился, безусловно,

важным событием в международных отношениях и в развитии международного права. Материалы Конференции содержат кладезь научной мысли и практических рекомендаций и еще ждут своих исследователей и “реализаторов”.

В работу Конференции органично вписались и мероприятия, организованные юридическим факультетом Санкт-Петербургского государственного университета в связи с отмечаемым 100-летием Гагской Конференции мира. Участники Конференции присутствовали на торжественном открытии на факультете мемориальной доски профессору Ф.Ф. Мартенсу — выдающемуся российскому юристу-международнику, одному из организаторов и руководителей Первой Гагской Конференции мира, в течение 32 лет возглавлявшему кафедру международного права Университета. На факультете состоялась международная студенческая научная конференция “Молодежь — за безопасный мир в XXI веке”, был подготовлен и издан сборник материалов “100-летие инициативы России: от Первой Конференции мира 1899 г. — к Третьей — 1999 г.” (Статья и фотография об этих событиях были опубликованы в нашем журнале № 4 за 1999 г.)

В то же время трудно отделаться от мысли о какой-то незавершенности и нереализованности всего огромного научно-практического потенциала Конференции. И Первая, и Вторая Конференции мира в неизмеримо более сложных условиях конфронтации, враждебности, недоверия, при отсутствии необходимого международного опыта и организационных структур, смогли разработать и принять международно-правовые акты — Конвенции, во многом предопределившие содержание международной безопасности и правопорядка на весь XX (да и XXI) век.

Вызывая сожаление, что ни Генеральная Ассамблея ООН, ни организаторы Конференции не решились в рамках Десятилетия международного права ООН и Мероприятий по Столетию Гагской конференции 1899 г. создать рабочую группу (или группы) и использовать огромный научно-практический потенциал мирового сообщества для подготовки и принятия глубоких по содержанию и детализированных по формам, видам и средствам осуществления и контроля международных конвенций по актуальным проблемам разоружения, международного гуманитарного права и мирного разрешения международных споров уже для XXI века.

“Московский журнал международного права” является правопреемником “Советского журнала международного права”, созданного в 1991 году как общесоюзный журнал юристов-международников СССР. После 1992 года, выходя под названием “Московский” (по месту его издания), журнал сохранил в составе своего Редакционного совета ученых из стран, расположенных на территории бывшего СССР, и на его страницах могут находить отражение как точки зрения самих юристов, так и официальные позиции их государств.

Отбор и содержание материалов журнала определяются Редакцией. Вместе с тем публикация материала в “Московском журнале международного права” не всегда означает, что Редакция разделяет точку зрения автора. При перепечатке материала или его части, а также при цитировании ссылка на наш журнал обязательна.